

УДК 94(470.1/2 + 470.2)“19”

**ПЕРВЫЙ ОПЫТ МОБИЛИЗАЦИИ:
СОЗЫВ ЗЕМСКОГО ВОЙСКА В 1806–1807 гг.
И ЕГО РОЛЬ ДЛЯ СБОРА ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1812 г.**

М. А. Белан
mikhailbelan@mail.ru

Оксфордский университет

Аннотация. В статье рассмотрен опыт создания земского войска, или милиции, в 1806–1807 гг. и его значение для создания ополчения 1812 г. Милиция стала первой попыткой ответить на новые вызовы эпохи, включая военные, путем всеобщей мобилизации людских и материальных ресурсов: мобилизация проходила по сословному принципу, что больше подходило реалиям России и предопределило специфические черты милиции и ее значение для русского общества. В качестве примера изучена организация сбора ратников и пожертвований в уездных городах Санкт-Петербургской губернии. Проведено сравнение милиции с ополчением 1812 г. и формами мобилизации, использовавшимися в Западной Европе.

Ключевые слова: земское войско 1806–1807 г., милиция, земское ополчение, Отечественная война 1812 г., пожертвования, ратники, мобилизация, уездный город.

UDC 94(470.1/2)“19”

**THE FIRST MOBILIZATION EXPERIENCE:
RAISING ZEMSKOE VOJSKO IN 1806-1807 AND ITS ROLE
FOR THE ORGANISATION OF THE PEOPLE'S MILITIA IN 1812**

M. A. Belan
mikhailbelan@mail.ru

University of Oxford

Abstract. The article examines the experience of creating “zemskoe voisko”, or militia, in 1806–1807 and its importance for the organisation of the People’s militia in 1812. Militia became Russia’s first response to new challenges of the epoch including mass war threats, an attempt to effectively mobilize human and material resources. The first militia took form of a class-based national mobilisation, which better correlated with Russian realities and predetermined militia’s peculiarities and its role for the Russian society. Supplies of militiamen and collection of donations have been explored on the example of district towns of St. Petersburg province. A comparison with 1812 militia and mobilisation measures available in Western Europe is offered.

Keywords: zemskoe voisko of 1806–1807, first militia, the People’s Militia of 1812, the Patriotic War of 1812, donations, militiamen, mobilisation, district town.

В данной работе рассмотрен первый опыт мобилизации людских и материальных ресурсов России: сбор земского войска, милиции, в 1806–1807 гг. В отличие от земского ополчения 1812 г. [1], милиция практически не изучалась (сложилась традиция воспринимать милицию лишь в качестве эпизода «войны монархов» [9, с. 493]).

С Великой Французской революцией и началом революционных и наполеоновских войн страны Европы столкнулись с новым масштабом вызовов. Франция предложила во многом более прогрессивную модель экономического, социального и политического устройства [12, с. 115–116], в том числе позволявшую осуществлять эффективную мобилизацию всей нации (французская армия с 1798 г. комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности). Ответом на новые реалии стал рост военных расходов континентальных держав, реформы в военной сфере и ряд программ более широких преобразований, направленных на повышение конкурентоспособности стран и расширение возможностей для мобилизации [25, с. 3].

В России в XVIII в. сформировался особенный экономический, социальный и политический строй, и к 1800-м гг. возможные пути мобилизации ресурсов, которыми располагала правящая элита, отличались от тех, что были в распоряжении правительств Западной Европы. Определим эти отличия, сопоставив условия, в которых находилась высшая власть России в начале XIX в., прежде всего с Францией и Британией. В историографии последних десятилетий важное место занимает проблема взаимосвязи на переходном к Новому времени этапе между развитием государственного аппарата, фискально-административными инновациями и ростом постоянных армий и масштабов военных конфликтов. Ряд исследователей, в частности Д. Брюэр [24], связывают военную революцию XVII в. с появлением и развитием в XVIII в. нового типа государства, т. н. *fiscal-military state*, в том числе предлагая заменить этим термином понятие абсолютизма. Термин военно-фискального государства применим к Британии XVIII в., отчасти к Франции (после революции 1789 г.), Пруссии – однако должен использоваться аккуратно. К России он в полной мере не применим. Но перемены в континентальных странах действительно имели ряд общих черт: совершенствование налоговой системы, активное развитие центральной и местной бюрократии, рост армии и военных расходов [25, с. 3].

Рассмотрим специфику, преимущества и ограничения экономической, финансовой и военной модели России в контексте возможностей мобилизации.

Д. Хартли, анализируя победы России в войнах с Наполеоновской Францией, демонстрирует, что возможности России для мобилизации людских, финансовых, материальных ресурсов были достаточно велики [25, с. 3]: это позволило стране в непростых экономических условиях резко увеличить размер армии (с 450 000 в 1801 г. до почти 1 000 000 в конце правления Александра I [6, с. 12, 15]), финансировать перевооружение, масштабные кампании, а также внутренние реформы, в целом удовлетворяя потребности армии и внутреннего рынка собственной промышленной продукцией. При этом подчеркивается, что в основе

успешного государственного, экономического, военного развития России в XVIII в. лежали иные факторы, чем в Западной Европе [25, с. 70–82]. Поэтому и мобилизация в начале XIX в. должна была проходить особым путем.

Армия комплектовалась на основе рекрутской повинности, практически пожизненно отрывавшей рекрутов от их семей и обществ (в 1793 г. срок службы был сокращен до 25 лет [25, с. 6]). Л. Г. Бескровный отмечал, что к концу XVIII в. такая система комплектования армии уже не отвечала новым реалиям. Главной проблемой была невозможность иметь обученный резерв на случай войны: приходилось тратить средства на содержание большой постоянной армии [6, с. 70].

Далее, в XVIII в. развитие российской промышленности во многом происходило за счет активного привлечения крепостного труда, что тормозило зарождение классов капиталистических рабочих и промышленников, а также начинало сказываться на техническом прогрессе (например, с начала XIX в. стагнирует рост производства железа, падает его экспорт [25, с. 93]).

Наконец, налоговая и кредитная система России развивалась медленно. К концу XVIII в. основные направления усовершенствований в Европе включали: расширение налогообложения на привилегированные классы, улучшение сборов косвенных налогов, развитие кредита, в том числе внутреннего госзайма [24, с. 73–108]. Все это предопределило специфику мобилизации ресурсов в Европе. Так, в Британии войны во многом финансировались за счет наращивания займа у населения через Банк Англии и компании-посредники [24, с. 73–108]. В 1800 г. Наполеоном I по образцу английского был основан Banque de France. В 1799 г. Британия ввела прогрессивный подоходный налог – включая и на доход с земель дворян – именно как мобилизационную меру для войны с революционной Францией: налог отменили в 1816 г. [26, с. 3] (распространение налогообложения на привилегированные классы было острой проблемой везде – в том числе став одной из причин французской революции). В России большую роль играла подушная подать, купечество облагалось по размеру семейного капитала, а не по объему реальной торговли [17, с. 42], а растущая торговля крестьян стала облагаться только с 1812 г. [10, с. 117]. Медленно развивался – с сер. XVIII в. – и банковский сектор России, прежде всего займы у населения и кредит [11, с. 106–127].

В итоге в России к началу XIX в. были доступны свои пути мобилизации. Расходы бюджета постоянно увеличивались (активная внешняя политика требовала роста военных затрат), и курс ассигнационного рубля стал снижаться со второй половины 1780-х гг. Подати и госдолг стали расти. В 1780-х – 1810-х гг. подушная подать с крестьян и мещан пересматривалась несколько раз, как и гильдейский сбор с купеческого капитала и требования к размеру последнего [17, с. 42–43]. Внешний долг начал увеличиваться в правление Екатерины II (при Екатерине, Павле I и до 1811 г. внешние займы оформляла контора придворных банкиров), но еще больше с началом войн Александра I (к 1807 г. – 43,5 млн руб. [11, с. 134]). Предложенная в 1810 г. программа финансовых преобразований М. М. Сперанского и М. А. Балугьянского была в первую очередь направлена на стабилизацию денежного обращения [11, с. 126], но рост госрасходов и сложная

экономическая конъюнктура, сложившаяся в результате присоединением России к континентальной блокаде, мешали ее исполнению. Курс ассигнаций к 1810 г. упал до 25 коп. серебром. В 1810–1812 гг. были резко повышены подати, таможенные сборы и акцизы, а с апреля 1812 г. подати (установленные в серебре) стали взиматься ассигнациями по курсу 2 к 1 [11, с. 131]. Вместе с тем в феврале 1812 г. Россия стала второй после Британии страной с прогрессивным подоходным налогом, которым облагались дворяне (от 1 до 10 %; налог был отменен в 1819 г. [26, с. 5]).

Однако проблемы нарастали и в Западной Европе. Британия и Франция часто рассматриваются как страны, умевшие эффективно мобилизовать людские и финансовые ресурсы на время войн. Но и в Англии к концу XVIII в. растут госрасходы и госдолг [24, с. 31]. А обратной стороной развертываемых армий были проблемы, связанные с демобилизацией: рост преступности, нищеты, армии бродяг. Проблемы возникали и при мобилизации: так, с началом военных действий в английский флот силой и обманом забирали моряков торгового флота [24, с. 41]. В результате Д. Хартли призывает считать Российскую империю – с ее большой армией и менее эффективными финансами – скорее демилитаризованной страной, а не «гарнизонным государством»: рекрутская и постоянная повинности были тяжелы, но в целом военные проблемы затрагивали меньшую часть общества, чем в Европе [25, с. 210].

В таких условиях России приходилось с конца 1780-х гг. проводить активную внешнюю политику. Но совсем иной масштаб вызовов обозначился с вступлением Александра I в войну 3ей антифранцузской коалиции (1805 г.), а осенью 1806 г. – в войну 4й коалиции. После быстрого разгрома и оккупации Пруссии в ноябре 1806 г. реальной стала угроза вторжения французской армии в Россию.

Императорским манифестом от 30.11.1806 г. было объявлено о созыве земского войска [13, № 22374]. Таким же образом манифестами от 6 и 18.07.1812 г. будет возведено о сборе земского ополчения [15, № 25176, № 25188] (здесь и далее даты приводятся по старому стилю). Цель этой работы – определить сущность милиции в контексте моделей мобилизации людских, финансовых и материальных ресурсов, известных в России и Европе – путем проведения анализа замысла и практического воплощения милиции в течение 1807 г. (как отмечал С. Гулевич, «милиция 1806–1807 годов представила собою совсем не то, что предполагалось создать первоначальными правительственными актами» [8, с. 18]). Исследовав ошибки и уроки милиции, можно лучше оценить сборы властями земского ополчения в 1812 г.

Необходимо (1) рассмотреть обращения в манифестах и (2) определить, чем стала милиция на практике для каждого сословия. Большое место занимает изучение остающегося дискуссионным вопроса добровольности [1, с. 37–41; 9, с. 163, 175–182; 27, с. 149], что позволяет оценить, как в действительности милиция должна была восприниматься современниками, принадлежащими к разным социальным группам (как форма повинности или добровольная помощь). Следует и (3) оценить широкий контекст создания земского войска – как не только

военной меры – но и как важный социальный, хозяйственный и политический проект; выделив его на фоне западных вариантов мобилизации – и дав оценку значению милиции для русского общества.

Чтобы лучше понять, как воспринимался сбор милиции общинами и отдельными людьми, какие практики использовались в реальности, были изучены дела о милиции и ополчении 1812 г. из фондов дум городов Санкт-Петербургской губернии, хранящиеся в ЦГИА СПб и РГИА (Новая Ладога, Гдов, София – все эти города входили в состав единого, исторически устоявшегося региона [3, с. 238]).

По всей видимости, идея сбора ополчения исходила от Александра I, хотя высказывались и другие версии (так, называлось имя вдовствующей императрицы Марии Федоровны [8, с. 3]). При создании земского войска, очевидно, были приняты к сведению уже обсуждавшиеся проекты путей реформирования армии (например, система кантонов), а также опыт создания временных вооружённых сил в Европе, что отразилось и во втором названии ополчения – «милиция». Следует упомянуть всеобщее вооружение во Франции в 1793-94, *Levée en masse* (предшествовавшее утверждению системы конскрипции), создание французской национальной гвардии, а также британскую милицию, созданную актом о милиции 1757 г. и собиравшуюся во время войн для защиты страны [24, с. 26] (например, в 1805 г., в ожидании высадки французской армии, было собрано более 500 000 человек [27, с. 149]).

В итоге от податного населения – казенных, удельных, помещичьих крестьян и мещан – потребовалось выставить определенное число ратников от 17 до 50 лет; от купечества ожидалось внесение «добровольных» пожертвований [13, № 22385, 22389]. Дворяне могли помимо поставки ратников из числа крепостных вступать в милицейскую службу офицерами – но назначались на должности сотенных, пятисотенных, тысячных начальников по решению дворянских собраний (преимущество отдавалось имевшим боевой опыт [13, № 22385]). Церкви отводилась роль духовной мобилизации: в декабре 1806 г. в церквях зачитывали объявление Синода, разоблачавшее Наполеона I как антихриста [13, № 22394]). Однако некоторые иерархи, монастыри, подворья вносили и денежные пожертвования в частном порядке [7, с. 538]. Страна была разделена на семь областей во главе с главнокомандующими областных земских войск милиции: им подчинялись губернские командующие земских войск, а от гражданских губернаторов было передано ведение губернскими и штатными ротами [13, № 22374] (схожим образом в 1812 г. будет создано 3 округа «ополчающихся» губерний» [9, с. 174]). Планировался сбор 600 000 человек милиции: в западных областях были даны указания в течение 2 недель выбрать по 1 ратнику от каждых 16 д.м.п. [22, с. 2], снабдив их одеждой, 3-месячным провиантом и жалованьем (3 р.; в 1812 г. – 6 р.) за счет общин (или помещика), а также оружием. Одежда отличалась от формы рекрут, и ратникам не брили бород и «лбов», что должно было уверить людей во временном характере милиции [13, № 22374, 22385]. На время службы с общин за ратников не взимались подати [13, № 22496].

В итоге, для крестьян и мещан милиция фактически предполагала обязательную поставку людей: то есть это была экстраординарная форма воинской

повинности. Та же ситуация повторится в 1812 г.: несмотря на большое число волонтеров, основную часть ратников в оба ополчения назначали собрания обществ и помещики [9, с. 177–178]. Однако опыт милиции показал, что система назначения в службу «приговором» общества – согласно которой общины выбирали рекрутов (в свободной деревне и в городе) – для назначения и поиска большого числа людей в ополчение требовала больше времени. Также сложно было срочно собрать крупные суммы на экипировку и провизию для ратников.

Сложнее определить сущность купеческих пожертвований. Так, в отношении пожертвований в 1812 г. существуют разные мнения: в частности, можно ли считать взносы купцов на ополчение добровольной (благотворительной) материальной помощью [4, с. 61] или частью повинности военного времени [5, с. 49] (важно понять, как это понималось современниками).

В 1806–1807 гг. купцы применяли общинную схема сбора (так будет и в 1812 г.). Сделана была срочная раскладка: участие в сборе было обязательным. Основной принцип в изученных городах был один: собирали фиксированную сумму с каждой д. м. п. Так, в Новой Ладогe взнос на милицию составлял 25 р. с души (20, л. 13; столько же, видимо, брали и в 1812 г. [21, л. 33]). Так же собирали складку в Гдове, Софии, и – для сравнения – в Серпухове, одном из главных центров текстильного производства Московской губернии [3, с. 105] (по 33,33 р. [23, л. 12]). Но богатые купцы везде давали на милицию «сверх» [20, л. 31–32; 22, л. 25об.]. Насколько велик был обязательный сбор? До 1807 г. 25 р. составлял годовой гильдейский сбор с семьи. Значит купцы (а их семьи были крупными) отдали на милицию суммы, эквивалентные нескольким годовым «налогам».

Насколько планы по созданию милиции разошлись с реальностью? Планировался сбор 600 000 войска. Но уже в январе 1807 г. стало ясно, что сбор займет не недели, а месяцы. Были сложности в общинах, от которых требовалось в несколько раз больше людей, чем в самые тяжелые рекрутские наборы [6, с. 71–74]. Не хватало оружия в арсеналах. Когда же ратники были назначены, общества жаловались, что в отсутствие указаний они содержат массу людей, оторванных от работы для «упражнений»: в январе 1807 г. было разрешено отпускать ратников под подписку домой и даже выдавать паспорта (количество запросов которых показывает, что уже в эти годы многие уходили на заработки [16, л. 37–38, 50–51]). В марте 1807 г. было приказано собирать 200 000 человек (треть назначенных), назвав это войско «подвижной милицией» [13, № 22496]. Но только малая часть милиции – несколько «батальонов стрелков», сформированные раньше всего – приняли участие в военных действиях: К. Н. Батюшков, вступивший в милицию в качестве офицера Санкт-Петербургских стрелков, описал героизм, проявленный ратниками в боях в Восточной Пруссии [2, с. 70]. В то же время трехмесячный провиант и жалованье в марте было приказано изъять по изначальному числу людей – однако вывоз затягивался. Запасы предписали продать, сдав деньги в казначейство: аукционы в городах проходили еще в 1808–1809 гг. [16, л. 120; 20, л. 75–100]. Самих же ратников в сентябре 1807 г. было решено зачислить как рекрутов в армию, выдав за них помещикам и обществам рекрутские квитанции (набор 1807 г. был отменен) [13, № 22634, 22636].

К весне 1807 г. угроза вторжения миновала, и в июне был заключен Тильзитский мир: проблемы со сбором «временной народной силы» не оказались причиной поражений, но стали ценным уроком мобилизации. В 1808–1809 гг. был принят ряд норм, регулировавших назначение в службу обществами: в частности, уменьшилось количество злоупотреблений практикой назначения в службу за «пороки» «вперед» других, существовавшей с 1760-х гг. [14, с. № 22982, 23872]. А рекрутский устав 1810 г. решил главную проблему: четкая система семейных очередей пришла на смену выбору семей согласно традициям, принятых в общинах [6, с. 71]. В итоге снизилось число конфликтов и апелляций к губернатору на решения обществ, что ускоряло процесс назначения рекрутов и ратников: в 1812 г. уже к концу июля (менее месяца со дня первого манифеста) города прислали почти всех полагавшихся с общин ратников [18, 19]. В то же время в казенной деревне ополчение решено было заменить рекрутскими наборами. Купцы в 1812 г. собирали такой же общинный сбор: при этом иногда (как в Новой Ладого) сборы в 1807 г. оказались выше, чем в 1812 г. [20, 21]. Очевидно: вклад русского общества в милицию заслуживает дальнейшего изучения.

Первый опыт мобилизации не привел к отмене рекрутской системы и не вызвал других крупных реформ: в ожидании нового конфликта они откладывались. Постоянной полувоенной силы не появилось. Среди причин была и оппозиция дворянства, и в 1807 г., и в 1812 г. опасавшегося, что вооружение народа может вызвать новую «пугачёвщину» [9, с. 124]. Но на начавшемся этапе массовых войн и экономического противостояния, когда все государства искали ответ на новые вызовы, Россия удачно опробовала свою модель мобилизации людских, финансовых, материальных ресурсов. Ее можно называть всеобщей, государственной, всенародной. В России мобилизация строилась по сословному принципу: каждое сословие выполняло свою часть «службы». Но именно этот вариант оказался наиболее подходящим в российских реалиях: это доказал опыт 1812 г., когда мобилизация проходила гораздо успешнее – после учета ошибок организации земского войска в 1806–1807 гг. Кроме того, совместное исполнение обязанностей государственного масштаба в экстраординарных условиях служило сближению различных социальных групп: милиция – первая всеобщая мобилизация – сыграла важную консолидирующую роль для развития русского общества.

Библиографический список

1. Бабкин, В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года / В. И. Бабкин. – М.: Соцэкгиз, 1962.
2. Батюшков, К. Н. Собрание сочинений: В 2 т. / Под. ред. А. Л. Зорина. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 2.
3. Белов, А. В. 1812 год в судьбе русского города / А. В. Белов. – М.: Полит. энцикл., 2018.
4. Белоусов, С. В. Купечество среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года / С. В. Белоусов // Вестн. СамГУ. – 2010. – № 3 (77).

5. Бессонов, В. А. Калужский край в Отечественной войне 1812 г. / В. А. Бессонов. – Калуга: Золотая аллея, 2011.
6. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке / Л. Г. Бескровный. – М.: Наука, 1973.
7. Горновский, И. А. Сто лет назад. Милиция 1806 – 1807 годов и пожертвования на нее / И. А. Горновский // Рус. архив. – 1904. – Вып. 8.
8. Гулевич, С. А. История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. / С. А. Гулевич. – СПб.: Экон. типо-литография, 1906. – Т. 1.
9. Лапина, И. Ю. Земское ополчение России 1812 – 1814 гг.: Исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: Дис. ... д-ра ист. наук / И. Ю. Лапина. – СПб., 2008.
10. Миронов, Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы / Б. Н. Миронов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990.
11. Морозан, В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / В. В. Морозан. – СПб.: Крига, 2004.
12. Отечественная война и русское общество. 1812–1912: Юб. изд. / Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. – Т. 5.
13. ПСЗ-1. – 1830. – Т. 29.
14. ПСЗ-1. – 1830. – Т. 30.
15. ПСЗ-1. – 1830. – Т. 32.
16. РГИА. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 907.
17. Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
18. ЦГИА СПб. – Ф. 189. – Оп. 1. – Д. 96.
19. ЦГИА СПб. – Ф. 189. – Оп. 1. – Д. 140.
20. ЦГИА СПб. – Ф. 685. – Оп. 1. – Д. 206.
21. ЦГИА СПб. – Ф. 685. – Оп. 1. – Д. 500.
22. ЦГИА СПб. – Ф. 881. – Оп. 1. – Д. 215.
23. ЦГА г. Москвы. – Ф. 1036. – Оп. 1. – Д. 107.
24. Brewer, J. The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783 / J. Brewer. – N. Y: Alfred A. Knopf. 1989.
25. Hartley, J. M. Russia, 1762-1825: Military Power, the State, and the People / J. M. Hartley. – Westport: Praeger, 2008.
26. Korchmina, E. S. Peer Pressure: The Puzzle of Tax Compliance in the Early Nineteenth-Century Russia / E. S. Korchmina // EHES. – 2018. – № 144.
27. Russia and the Napoleonic Wars: (War, Culture and Society, 1750–1850) / J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven (ed.). – L.: Palgrave Macmillan, 2015.